

УДК 328.185

DOI 10.33463/2687-122X.2020.15(1-4).3.317-323

НАТАЛЬЯ ВАЛЕНТИНОВНА БУГАЕВСКАЯ,

кандидат юридических наук, доцент,

доцент кафедры уголовного права и процесса,

Тульский государственный университет, г. Тула, Российская Федерация,

e-mail: bugaevskaja.natalia@yandex.ru

СОЗДАНИЕ ЭФФЕКТИВНОЙ МОДЕЛИ ПЕНАЛИЗАЦИИ И КОНСТРУИРОВАНИЯ САНКЦИЙ ЗА КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Для цитирования

Бугаевская, Н. В. Создание эффективной модели пенализации и конструирования санкций за коррупционные преступления / Н. В. Бугаевская // Уголовно-исполнительное право. – 2020. – Т. 15(1–4), № 3. – С. 317–323. – DOI : 10.33463/2687-122X.2020.15(1-4).3.317-323.

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы пенализации коррупционных преступлений в целом и коррупционных преступлений, совершаемых путем подкупа, в частности. Целью исследования является соотношение принципов, целей пенализации с содержанием конкретных санкций антикоррупционных уголовно-правовых норм и практикой правоприменения. Поскольку пенализация подразумевает правотворческую и правоприменительную деятельность, то исследовались эти два аспекта. В ходе решения исследовательских задач использовались общенаучные методы познания (анализ, синтез, конкретизация, обобщение) и частнонаучные методы (формально-логический, сравнительно-правовой, технико-юридический). Эффективная модель пенализации коррупционных преступлений должна быть основана на общих принципах уголовного права, целях наказания и частных принципах пенализации как процесса определения наказуемости деяний. За основу исследования в статье берется группа коррупционных преступлений, совершаемых путем пассивного подкупа (часть 4 статьи 184; части 5–8 статьи 204; статьи 204.2, 290, 291.2 Уголовного кодекса Российской Федерации). Анализируется, насколько содержание санкций данных норм отвечает критериям восстановления социальной справедливости, исправления осужденных, предупреждения новых преступлений. Подробно изучаются штраф как основной вид наказания и его возможности влиять на тип личности корыстно-коррупционного преступника. Исследуется взаимосвязь размера данного вида наказания с достижением целей, с соответствием принципам экономии и концентрации уголовной репрессии. Отмечается необходимость альтернативности и относительной определенности санкций, необходимых для дифференциации и

© Бугаевская Н. В., 2020

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

индивидуализации уголовной ответственности. Делаются выводы о чрезмерной гуманизации при включении штрафа как основного вида наказания в санкции норм о коррупционных преступлениях особой тяжести; о недостаточном использовании ресурсов отдельных видов наказаний, не связанных с изоляцией от общества, но связанных с трудовым воздействием на осужденного, в частности принудительных работ, возможности для исполнения которых в настоящее время имеются.

Ключевые слова: коррупционные преступления, пенализация, санкции уголовно-правовых норм, уголовная политика, пассивный подкуп, уголовные наказания, цели наказания, принципы пенализации, штраф, принудительные работы.

Пенализация как процесс определения наказуемости деяний проявляется как минимум в двух взаимосвязанных между собой действиях: в конструировании санкций уголовно-правовых норм и в практике их применения. Пенализация коррупционных преступлений связана с оценкой их общественной опасности, с установлением принципов и критериев определения отдельных видов наказаний, их размера и альтернативности. В ходе пенализации решается ряд сложных задач, касающихся также целей наказания, соответствия содержания санкций уголовно-правовых норм направлениям и современным тенденциям уголовной политики.

В целом проще выяснить, какое из деяний является преступным, определить его состав, установить в законе объективные и субъективные признаки, чем создать эффективную модель наказания, соотнеся его с реальной практикой применения. В этом отношении существует риск уйти либо в либерализацию и гуманизацию наказания, либо концентрацию и усиление уголовной репрессии в зависимости от того, какая задача ставится на данном этапе борьбы с коррупцией – тотальное устрашение или создание видимости противодействия коррупционным проявлениям. Широкий диапазон мер уголовного наказания, а также мер уголовно-правового воздействия может позволить двигаться и в том, и в другом направлении, но вопрос состоит в правильности выбранного курса.

При конструировании санкций уголовно-правовых норм необходимо прежде всего опираться на принципы, сформулированные в уголовном законе, в первую очередь на принцип справедливости (ст. 6, 60 УК РФ) [5, с. 21], а также основываться на целях наказания. Прежде всего на восстановлении социальной справедливости. В научной литературе также выделяются такие принципы, которые необходимо реализовывать при пенализации в целом и пенализации коррупционных преступлений в частности, а именно: принцип гуманизма наказания и вытекающий из него принцип экономии репрессии; актуальность наказания, а значит, следование тенденциям уголовной политики; принцип дифференциации и индивидуализации наказания; принцип концентрации репрессии [1, с. 22–31]; принцип способствования наказания исправлению осужденного [4, с. 55–58].

Эффективная модель пенализации должна представлять собой совокупность уголовно-правовых норм, содержащих определенные наказания, которая способна и предупредить преступное деяние, и адекватно оценить событие уже совершенного. Пенализация на уровне законотворческого процесса должна включать в себя создание таких санкций норм за коррупционные преступления, которые вместе с нормами Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации позволили в судебном процессе реализовать назначение наказания, согласующееся с его целями.

Коррупционные преступления представляют собой группу деяний, соответствующих признакам коррупции, закрепленным в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Это достаточно большая группа преступлений, в которую входят не только те, что составляют содержание гл. 23 и 30 УК РФ, но и все другие преступления, совершаемые лицом с использованием своего служебного положения из корыстных побуждений, рассредоточенные по всему уголовному закону. Ввиду этого наполнение санкций антикоррупционных уголовно-правовых норм значительно разнится. Несмотря на это, следует отметить, что санкции данных норм определялись законодателем не однотипно, но и не произвольно: в них отражался характер и степень общественной опасности коррупционного преступления на основе объективных данных. Однако на сегодняшний день проблемой является то, что создаются новые нормы, продолжается процесс криминализации коррупционных преступлений, появляются новые виды наказаний. Все это требует пересмотра санкций уголовно-правовых антикоррупционных норм с целью аргументации эффективных моделей санкций.

Международные документы в области борьбы с коррупцией устанавливают определенные ориентиры. Статья 19 «Санкции и меры» Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г. закрепляет: «Принимая во внимание тяжесть уголовных преступлений... каждая Сторона предусматривает в отношении этих уголовных преступлений, квалифицированных в качестве таковых в соответствии со статьями 2–14 эффективные, соразмерные и сдерживающие санкции и меры, в том числе, если они совершены физическими лицами, наказание, предусматривающее лишение свободы, которое может повлечь выдачу». В ст. 30 «Преследование, вынесение судебного решения и санкции» Конвенции ООН против коррупции 2003 г. говорится о том, что каждое государство-участник за совершение какого-либо преступления, признанного таковым Конвенцией, предусматривает применение таких мер, которые обусловлены степенью общественной опасности деяния.

Наказание как мера государственного принуждения в отношении коррупционных преступлений должно также обеспечивать общую и специальную превенцию, его принудительно-репрессивное воздействие – цели исправления лиц, уже совершивших преступления. По справедливому замечанию В. А. Уткина, наказание является ядром всей системы уголовно-правового воздействия [8, с. 97]. Оно должно заключаться в принуждении осужденного к определенным страданиям, претерпеванию лишений относительно значимых для него личностных благ [3, с. 25–30]. Если наказание является не связанным с изоляцией от общества, то следует говорить о сокращенном объеме ограничиваемых прав, но их характер должен оставаться значимым для осужденного, он также должен испытывать определенные переживания по поводу исполнения наказания.

Для решения проблемы создания эффективных моделей санкций за коррупционные преступления необходимо сопоставить их (преступлений) содержание с тем, кого желает общество получить после отбытия наказания – лиц, которые откупились от государства путем уплаты штрафов; лиц, отбывших наказание в условиях изоляции в отдельных исправительных учреждениях с более комфортными условиями отбывания наказания [7, с. 251–259], при этом сохранивших неизменными свои жизненные ориентиры и ценности в рамках преступного мировоззрения, или лиц, которые хотя бы немного приблизились к облику человека, который находится на пути к исправлению. Нравственное преобразование – это труднодостижимый результат, но требуемый в соответствии со ст. 43 УК РФ и ч. 1 ст. 1 УИК РФ. Качественная перестройка мировоззрения и переоценка ценностей человека возможна только на фоне глубоких душевных переживаний и

жизненных потрясений, когда человек начинает анализировать причинно-следственные связи между своими действиями и наступившими последствиями, и при этом требуется высокий уровень осознанности индивидуума, который позволит это сделать. Парадокс состоит в том, что, с одной стороны, осужденные не обладают этим высоким уровнем осознанности, иначе они могли бы просчитать возможные риски от совершаемых коррупционных действий, связанные с их привлечением к уголовной ответственности, с другой стороны, глубокое осознание и возникает в процессе преодоления определенных трудностей, жизненных тягот, которыми в данном случае и должны стать назначаемые им наказания. Тем самым наказание не должно быть щадящим, слабым, не продуцирующим страданий как основу для исправления. И в настоящей работе правильность следования цели исправления в процессе назначения и отбытия наказания не подвергается сомнению. Русский ученый С. В. Познышев в связи с целью исправления писал: «Что касается смысла слова «исправление», то надо остерегаться преувеличивать его значение, говоря о тюрьме. Конечно, если под исправлением разуметь превращение порочного в высоконравственного, выдающегося человека, грубого невежественного вора с печатью закоренелого алкоголизма и праздности на лице – в нравственно изысканного человека, которому даже противна мысль о получении чего-либо незаработанного, конечно, если придавать такой смысл слову «исправление», то надо признать его недостижимым в пенитенциарном учреждении» [6, с. 42].

Коррупционная деятельность традиционно оценивается как причиняющая обществу существенный вред, а значит, обладающая высокой степенью общественной опасности, которая дифференцируется в зависимости от объекта, предмета, субъекта преступления, а также конкретных деяний и последствий, способа и пр., являющихся наполнением объективной стороны преступлений. Так, если остановиться на анализе только тех преступлений, которые совершаются путем пассивного подкупа, а это всего пять составов преступлений [ч. 4 ст. 184; ч. 5–8 ст. 204; ст. 204.2 (незаконное получение предмета коммерческого подкупа); ст. 290; ст. 291.2 УК РФ (получение взятки)], то можно заметить, что в санкциях всех названных норм, кроме нормы, указанной в ч. 1 ст. 204.2 «Мелкий коммерческий подкуп», присутствует такой вид наказания, как лишение свободы, причем он варьируется от одного года (ч. 2 ст. 204.2, ч. 1 ст. 291.2 УК РФ) до пятнадцати лет (ч. 6 ст. 290 УК РФ), несмотря на гуманизацию уголовной политики. Все санкции названных норм, регламентирующих ответственность за коррупционные преступления, совершаемые путем пассивного подкупа, являются альтернативными и относительно-определенными. Все они предполагают альтернативу лишению свободы в виде штрафа, а в преступлениях небольшой тяжести еще и в виде обязательных работ, исправительных работ и ограничения свободы (ст. 204.2, 291.2 УК РФ). Во всех указанных преступлениях, начиная от средней тяжести до особо тяжких, наличествует такой вид наказания, как лишение права занимать определенные должности, являющийся дополнительным. И только в двух из этих норм в санкциях названы принудительные работы (ч. 4 ст. 184, ч. 1 ст. 290 УК РФ).

Таким образом, внешне альтернативность является достаточно широкой, уголовно-правовая оценка коррупционных преступлений произведена с учетом типа личности корыстного преступника, а именно таким является коррупционер, так как он совершает преступление из корыстных побуждений вопреки интересам службы, именно этим объясняется наличие в санкциях норм штрафа как наказания, связанного с имущественным воздействием. Степень общественной опасности преступлений дифференцирована и

оценена в виде категорий от небольшой тяжести до особо тяжких преступлений, между тем в моделировании санкций есть некоторые изъятия.

Например, произведем анализ штрафа, указанного в санкциях данных норм. Так, за получение взятки штраф может быть назначен в трех вариантах – в определенной сумме, в размере заработной платы или иного дохода осужденного за определенный период или в сумме, кратной взятке. В ч. 1 ст. 290 УК РФ (получение взятки в размере от 10 до 25 тыс. рублей) штраф может достигать либо твердой суммы – 1 млн рублей; либо дохода за период до двух лет. Очень условно предположим, что этот доход составит 42 тыс. рублей (средняя зарплата по России за 2019 г.), то это сумма – 1 008 000 рублей; либо 50-кратной суммы взятки, если последняя составляет 24 999 рублей, то это сумма – 1 249 950 рублей. В каждом последующем варианте назначения штрафа сумма, как видим, нарастает, хотя должна быть сопоставимой, так как виды назначения являются альтернативными.

При получении лицом взятки в особо крупном размере (ч. 6 ст. 290 УК РФ – наиболее суровый вид наказания) суд также может рассматривать штраф как основной вид наказания. Здесь складывается следующая ситуация: либо штраф назначается в размере от 3 до 5 млн рублей; или в размере заработной платы за период до пяти лет – при той же зарплате 42 тыс. рублей – это сумма 2 520 000 рублей; или в размере до стократной суммы взятки – при размере взятки свыше 1 000 000 рублей минимальная сумма может составить 100 млн рублей. В ст. 46 УК РФ данный размер ограничен до 500 млн рублей. В этом случае логика сопоставимости штрафа также нарушена.

Похожая ситуация прослеживается и в остальных санкциях норм о коррупционных преступлениях, совершаемых путем пассивного подкупа. Здесь можно поспорить о сопоставимости размеров штрафа, так как размер дохода осужденного может варьироваться, и может быть следует отталкиваться от более низкой суммы, например, величины прожиточного минимума, так же как и варьируются суммы получаемых взяток. Однако неоспорим тот факт, что какой бы сложности и тяжести ни был состав преступления, законодатель всецело считает возможным к назначению штраф как основной вид наказания. В связи с этим возникает вопрос: достаточно ли для восстановления социальной справедливости, предупреждения совершения новых преступлений и исправления осужденных того, что осужденный лишь выплачивает в бюджет государства определенную, может быть даже очень значительную, денежную сумму? Может ли штраф как наказание, лишаящее осужденного определенных материальных благ, заставить его переживать данный факт и пробудить в нем тем самым свойства личности, скрытые до этого момента, которые будут коррелироваться со ст. 43 УК РФ или со ст. 9 УИК РФ?

Анализ практики назначения наказаний за коррупционные преступления между тем показывает, что штраф достаточно часто применяется судами в качестве основного наказания (74 %) [2, с. 169]. Должных данных о рецидиве коррупционных преступлений после назначения и исполнения штрафа нет, так как такая статистика не ведется, поэтому оценить эффективность штрафа как вида наказания с позиции достижения цели предупреждения преступлений не представляется возможным. С позиции же восстановления социальной справедливости уплата денежных средств лишь частично восстановит общественные отношения, которым причинен вред. Исправление же осужденного будет зависеть только от его индивидуальных качеств.

Следует отметить, что судебные органы редко используют штраф как основной вид наказания в случае совершения осужденным тяжких и особо тяжких коррупционных преступлений, совершаемых путем пассивного подкупа. Так, известному осужденно-

му по ч. 6 ст. 290 УК РФ (получение взятки в особо крупном размере – 2 млн долларов) бывшему министру экономического развития У. суд 15 декабря 2017 г. избрал наказание в виде 8 лет лишения свободы с отбыванием в колонии строгого режима со штрафом в размере 130 млн рублей и лишением права занимать определенные должности на срок 8 лет. После обжалования 12 апреля 2018 г. приговор был изменен только в части отмены дополнительного вида наказания в виде лишения права занимать определенные должности (Президиум Мосгорсуда не будет рассматривать жалобу на приговор У. URL : <https://www.interfax.ru/russia/625210>).

Таким образом, практика правоприменения корректирует смоделированные законодателем санкции, но не с точки зрения ожиданий общества или запросов его элитарных групп, а с точки зрения высокой степени общественной опасности коррупционных преступлений и неоправданности применения более мягких видов наказаний.

Таким образом, анализ использования штрафа в санкциях уголовно-правовых норм за коррупционные преступления, совершаемые путем пассивного подкупа, позволяет утверждать, что: 1) суммы штрафов требуют уточнения ввиду их сопоставимости в санкциях одних и тех же норм в рамках отдельных частей статей Особенной части УК РФ; 2) штраф не должен применяться как основной вид наказания за преступления особой тяжести, так как в этом случае не реализуются цели наказания и не соблюдается такой принцип пенализации, как концентрация уголовной репрессии.

В заключение следует отметить, что не должным образом использован ресурс такого вида наказания, как принудительные работы, в отношении коррупционных преступлений, совершаемых путем подкупа. Данный вид наказания (ст. 53.1 УК РФ) должен применяться только за совершение преступлений небольшой или средней тяжести или за тяжкие преступления впервые. Между тем он присутствует лишь в двух из санкций указанных норм (ч. 4 ст. 184, ч. 1 ст. 290 УК РФ). Оговорка закона о том, что суд с учетом назначенного срока лишения свободы сам может применять принудительные работы, заменяя лишение свободы, не всегда используется, так как суд в первую очередь исходит из санкции нормы, опираясь на те виды наказания, которые в ней обозначены.

В целом сама по себе пенализация лишь в небольшом объеме характеризует уголовно-правовое воздействие на коррупционную преступность. Санкции статьи дают суду лишь общее представление о круге средств, которые могут быть применены к осужденному, об их границах, сроках, размерах. Вместе с тем есть и меры уголовно-правового характера (судебный штраф, конфискация), условное осуждение, другие меры освобождения от уголовной ответственности и наказания. В силу этого для понимания эффективной модели пенализации необходим комплексный подход, который должен являться основой для правоприменителя при выборе справедливого, адекватного, достаточного реагирования со стороны государства на совершенное коррупционное преступление.

Библиографический список

1. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Концентрация уголовной репрессии: проблемы теоретического понимания и практики воплощения // Научный портал МВД России. 2011. № 1(13). С. 22–31.

2. Бугаевская Н. В. Применение наказаний, связанных с трудовым воздействием, в отношении осужденных за коррупционные преступления // IV Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России) : сб. тез. выступлений и докладов участников (г. Рязань, 20–22 нояб. 2019 г.) : в 10 т. Рязань : Академия ФСИН

России, 2019. Т. 6 : Материалы международных научно-практических конференций и круглых столов. С. 168–171.

3. Гета М. Р., Смирнов А. Н. К вопросу о содержании наказания в виде принудительных работ // Вестник Кузбасского института. 2018. № 1(34). С. 25–30.

4. Густова Э. В. Криминализация и пенализация деяний как формы реализации уголовной политики // Вестник Воронежского института МВД России. 2012. № 4. С. 55–58.

5. Лопашенко Н. А. Уголовная политика. М. : Волтерс Клувер, 2009. 579 с.

6. Познышев С. В. Основы пенитенциарной науки. М. : Мосполиграф, 1923. 342 с.

7. Посмаков П. Н., Селиверстов В. И., Степанов-Егиянц В. Г. Отбывание наказания осужденными за экономические (в сфере предпринимательства) и должностные преступления в отдельных исправительных учреждениях: мнение экспертов // Организационно-правовое регулирование деятельности уголовно-исполнительной системы: теоретические и прикладные аспекты : материалы межвуз. науч.-практ. конф. Рязань : Академия ФСИН России, 2018. С. 251–259.

8. Уткин В. А. Система непенитенциарных санкций и ее социально-криминологические основы // Альтернативы юридической ответственности как способы преодоления правовых конфликтов : сб. тр. регион. науч.-практ. конф., 13–14 апреля 2006 г. Новокузнецк : Новокузнецкий институт (филиал) Кемеровского государственного университета, 2007. С. 95–98.